

и мы очень поладили, чем еще раз был подтвержден мой титул Друга Детей и Животных, данный мне друзьями-острословами. Потом я стал ощущать с ее стороны острую потребность познакомить меня с ее родителями, жившими в области. Потом...

Нет, Люся оставалась прекрасной, замечательной Люсей, но девочке нужен был отец, и эта обыденная правда была абсолютно нормальной, настолько нормальной, что она не вязалась с шафрановым халатом, в котором и самом-то, по совести говоря, осталось мало волшебного и удивительного. Да и не халат это вовсе, как выяснилось. В мои планы не входила вся эта правда, и я мягко, но решительно начал дрейф в открытое море. Все закончилось мирно и без истерик, более того — ко всеобщему, действительно всеобщему удовольствию. Не прилагая специальных усилий, я совершенно случайно нашел для Люси и Инны того, кто был им нужен в смысле поддержки и опоры — моего приятеля по прозвищу Мерлин, но это — другая история, о ней как-нибудь в другой раз.

Ладно мы расстались. И стричься я до сих пор хожу к ней, все туда же: улица 50-летия Октября, бывший Голицынский проспект, выше — бакалея, ниже — книжный магазин...

В. И. Финнова

КАК МЕНЯ РЕПРЕССИРОВАЛИ

Вообще-то сначала меня распределили в редакцию газеты «На смену!». ...Осенью в нашей аудитории на четвертом этаже появился преподаватель по истории русской журналистики Юра Еремин, вызвал в коридор меня и Сашку Полищука и высказался в том смысле, что не пора ли завязывать с учебой и заняться наконец настоящим делом в стенах редакции областной молодежной газеты.

Оказывается, пока я шастала с рюкзаком по Крыму, мечтая, чтобы последние студенческие каникулы никогда не кончались, в «Насменке» появился новый редактор. Необычность этого заурядного события состояла в том, что им был наш преподаватель. И вот сейчас он набирал команду.

Не знаю, как для Полищука, а для меня предложение оказалось полной неожиданностью. Я не собиралась после окончания оставаться в Свердловске, но перспектива на законном основании закосить была тем более заманчивой, что все мы уже давно считали себя готовыми журналистами. Только одно «но»: а как же тогда «голубые города», которые «снятся людям иногда»? И дальние дали, и неизведанные пути-дороги, — словом, весь набор романтических штампов, который скапливается в человеческой голове на исходе пяти учебных лет? Что же, так и будет «сниться иногда», а наяву — все тот же Свердловск?..

«...Дипломы будете делать творческие», — продолжал искушать Еремин.

Вот это кайф! Не корпеть над какой-нибудь вымученной темой, а всего лишь представить несколько опубликованных очерков! Неожиданно для себя я согласилась. Полешук тоже.

Но чем ближе к весне, тем сильнее тянуло на волю. Наконец мне стало окончательно ясно, что пора собирать чемодан. Какой Свердловск, когда на свете есть Сахалин! И там, в областной партийной газете, свой человек — Женька Бабкин, который выпустился годом раньше и может сделать вызов, без чего в эту закрытую зону фиг попадешь.

Женька проявил журналистскую оперативность, но тут ситуацию взяла в руки моя мама. Она позвонила Еремину и попросила употребить все его влияние, чтобы удержать «эту дуреху» от немыслимой глупости.

Еремин усадил меня в черную редакционную «Волгу» и повез по городу. Но воспитательная беседа успеха не имела. Мысленно я уже летела на крыльях мечты и не чувствовала ничего хотя бы отдаленно напоминающего угрызания совести.

А мой мудрый папа молчал, и его фраза «не мешай ей жить», адресованная маме, больно царапнула.

Сахалин в благодарность встретил ярким солнцем и теплом.

...Ровно три года спустя, теплым, солнечным и счастливым августом 1968-го мы шли на Курилы: агитбригада сахалинских писателей, творческой молодежи и я — корреспондент областной газеты «Молодая гвардия».

Кажется, еще когда садились в Корсакове на теплоход... как же он назывался? «Ольга Андровская»? «Мария Савина»? Потом на той линии стала ходить «артистическая» серия, а тогда? Не помню. В общем, когда еще садились на борт в Корсакове, кто-то сказал, что в числе пассажиров отправляется в творческую командировку художник из Чехословакии. Он оказался высоким человеком средних лет и весь рейс просидел на корме со своим мольбертом. Я его понимала: серое, синее, голубое, белое, фиолетовое море, зеленые острова, чайки вверху, дельфины внизу... Куда там Европе со всей ее цивилизацией!

...И вдруг откуда-то возникла непонятная фраза: «Наши танки — в Праге»... Она прошелестела и унеслось, оставив в полном недоумении всех, кто успел уловить смысл. Но какой мог быть в этом смысл?!

Увы, чайки не носят в клюве свежие газеты, и откуда нам было знать, что вечером 20 августа армии стран Варшавского договора в течение 36 часов установили полный контроль над чехословацкой территорией без какого-либо сопротивления. Если моим спутникам что-то и удалось выудить у радиста теплохода, то это держалось в страшной тайне. Меня в нее не посвящали.

Художник молниеносно стал объектом пристального внимания нашей группы, хотя вокруг него возникла странная полоса отчуждения. Стало ясно: его надо расколоть. Но как? Человек работает, и мешать — по меньшей мере бестактно.

На разведку было решено послать Мишу Финнова. Выпускник Московского института культуры, одессит, матрос и поэт, остроумный, общительный, он к тому времени уже побывал в загранке и общаться с иностранцами ему было не впервой.

Наш парламентарий отправился на «вражескую» сторону и засел с чехом в теплоходном баре на весь вечер.

Вернулся веселый и сказал: «Ну, все понятно». Чех высказался в том смысле, что если вы живете в маленьком доме, который одним окном выходит на неприглядный сарай, а другим — на холодильник в каждой семье, то, судите сами, чего вам захочется больше...

Метафора была более чем прозрачной, и мы с Мишей его понимали. У нас тоже не было холодильника, мы стояли за ним в очереди и ходили каждый месяц отмечаться в магазин, у которого выстраивался длиннющий хвост таких же «списочников». А из окна комнаты в общей квартире — только «неприглядный сарай». Но, в отличие от «домика» художника, наш общий «дом» был настолько бескрайним, что ближайшая цивилизация вообще не просматривалась, а значит, и не искалась. Равняться было не на кого.

Поэтому до чехов мы явно не доросли. Ни до холодильника в каждой семье, ни до социализма с человеческим лицом, ни до отмены цензуры, ни до свободы слова, в чем мне очень скоро пришлось убедиться на собственном опыте.

Когда мы подходили к Южно-Курильску, чех снова стал причиной беспокойства моих спутников. Кто будет встречать его на берегу? Как он доберется обратно на Сахалин, а оттуда на материк? Один из наших доморощенных пинкертонеров спустился с трапа и, следуя некоторое время за художником, удостоверился, что «хвоста» вроде бы нет. После чего мы потеряли чеха из виду. Спустя какое-то время, уже на Сахалине, узнали, что он вернулся и благополучно вылетел домой.

Путина была в разгаре. На рыбозаводах женщины отважно пластали длинными ножами кету и горбушу, красная икра, пройдя таинство консервации, заполняла баночки; на другом участке девушки на конвейере ловкими пальчиками в такие же банки «розочкой» укладывали кусочки сайры и успевали отвечать на мои вопросы. Пока мои спутники выступали перед немногочисленными зрителями в большом дощатом бараке, который именовался клубом, я с результатом, близким к нулю, пыталась наскрести материал хотя бы на пару корреспонденций.

Курильские туманы время от времени впускали сумасшедшее солнце, и тогда океанский песчаный берег становился раем. Наползала туманная хмарь, и рай перемещался туда, где парили меж камней естественные ванны горячих источников ...

...А в это время на другом конце света, в Москве, шло экстренное совещание партийных и правительственных делегаций пяти социалистических государств. Срочно вырабатывались меры по защите социализма в Чехословакии. «...Чтобы ни у кого не создалось впечатления, что советские войска хотят уйти, не сделаем ни шагу назад», — уверял товарищ Брежнев. Мероприятие было строго секретным.

Газеты же писали о подрывной деятельности и коварных замыслах контрреволюции, о попытке захвата власти в братской Чехословакии, обсуждали меры обуздания реакции, укрепления социализма и т. д. и т. п. Но мы обо всем этом узнали

уже дома, поскольку «почта с пересадками летит с материка до самой дальней гавани Союза».

Вернувшись, плюнули на осточертевшую очередь, купили с Мишей по случаю с рук маленький подержанный холодильник «Саратов-2» и могли считать, что исполнили мечту художника. Неприглядные же «сарайи», давно приелись и, по правде говоря, не раздражали.

Между тем события назревали уже не где-то за тридевять земель, а дома, в родной редакции. Меня как-то тихо и незаметно сняли с работы. Точнее, перевели из зав. отделом пропаганды в старшие литсотрудники (похоже, пытались упредить репрессивные меры и спасти). Зато «укрепили» редакцию принятой на мое место новенькой — симпатичной блондинкой из северного поселка Ноглики. Она заочно училась во Владивостокском универе, а главное, в отличие от меня, была членом Коммунистической партии Советского Союза.

Запахло жареным.

Первым слинял Владька Маринов. У него был нюх. Не знаю, как он оказался на Сахалине, но поговаривали, что за кормой у него не все чисто. Маленький, щуплый, с шапкой черных кудрявых волос, в которых уже мерцали серебряные нити, однажды он подошел ко мне на улице и негромко спросил:

— А ты «Голоса» слушаешь?

До меня не сразу дошло, а когда дошло, я с возмущением фыркнула и отвернулась.

— Ну, понятно, ты у нас еще маленькая, — примирительно сказал Влад и ушел, напевая по обыкновению что-то из Битлов.

Рванул он вроде бы аж в Молдавию. «Голоса» я стала слушать спустя лет двадцать...

Сняли главного редактора, хорошего журналиста, добродушного Борю Сумашедова. Без всякого людоедства. Просто он перешел на работу в другой конец нашего длинного коридора и стал сотрудником областной партийной газеты «Советский Сахалин».

На том конце света заставили уйти в отставку первого секретаря президиума ЦК КПЧ А. Дубчека, избранного демократическими силами. «Дубчека — в губчека...» — долго еще гуляла мрачная шутка.

Потом... Скорее всего, все это и было *потом*. А до того в небольшом зале обкома партии под видом совещания по идеологии проходил показательный процесс. В докладе первого секретаря Сахалинского обкома КПСС П. А. Леонова (подпольная кличка «Паша») большое внимание уделялось персонально мне. Точнее, двум моим материалам, в разное время увидевшим свет в газете «Молодая гвардия». Я честно пыталась уловить, в чем же меня обвиняют и что же такого крамольного в этой несчастной заметке «Малявка подает голос», но ровно ничего не понимала. Маленькая зарисовка (добро бы очерк на полстраницы!) про девчонку, которая нашла в себе смелость пойти против начальника и чего-то там добилась в какой-то захудалой конторе. Сама бы я на такой подвиг ни за что не отважилась.

Но секретарь обкома заикнулся на этой Малявке и шил мне целое дело. От недоумения я даже совершенно не переживала. А с чего переживать? Довольно заезженная, между прочим, фабула. Многократно растиражированная советской литературой. Сколько таких Малявок обоего пола пропутешествовало по страницам произведений разного жанра и калибра, и каждая чего-то там добивалась в борьбе с каким-нибудь твердолобым начальством! А в кино?... Да это же просто бродячий сюжет. Что ни героиня, то духовная родственница моей Малявки. Все эти бойкие персонажи дружно восставали против рутины или против дурака начальника. Народ давным-давно вывел из приевшегося литературно-кинематографического штампа общеизвестную формулу: «Рабочий — новатор, начальник — консерватор». Нашли, тоже, крамолу.

Правда, пока карбонарии местного разлива выпускали пар, не подрывая основ, с ними мирились. И если теперь власть перекрывает даже такой дохлый шланг, значит, здорово ее чехи достали. Но все это я соображу позже.

Между тем совещание еще не закончилось, и Паша продолжал пиарить. Он перешел к следующему моему опусу — еще одной небольшой заметке, которая тоже ровно ничего примечательного собой не представляла. Кроме одной фразы, казавшейся мне красивой и романтической: про «кочи» и «белокрылые парусники», которые когда-то «открывали Сахалин». Фраза не имела никакого отношения к теме (кажется, что-то про учебу в мореходке, которая тоже заставляет делать открытия), но мне очень нравилась. Она-то и подвела.

Паша настойчиво допытывался, чьи именно парусники имелись в виду. Французские, голландские или какие-нибудь другие. А я снова сижу дура душой и ничего не понимаю. Да какая разница чьи, если речь совсем не о них! И вдруг осеняет: уж не пытается ли он обвинить меня в покусительстве на русский приоритет в открытии Сахалина?! У них же это больное место, они же все сдвинуты на этом! Уж не в космополиты ли безродные они меня прочат?

Но это был такой явный театр абсурда, что мне стало совсем не страшно, а очень даже смешно.

И хотя для «космополита» крупно не хватило улик, тем не менее старт был дан.

После обкомовской отмашки в редакции пошли собрания. Меня обсуждали, кажется, дважды. Коллеги просили признать свои ошибки, а я все никак не могла врубиться, какие именно. И даже обиделась: что ж вы раньше-то молчали, если видели, что человек катастрофически ошибался?

Наконец, в последний раз:

— Ну что, признаешь?

— Конечно... нет!

Больше никто ни о чем не спрашивал. Меня уволили без права работать в средствах массовой информации.

Скорее всего, скажи я тогда «да», все бы и обошлось. Ну, вкатили бы выговор, да и дело с концом. Только кто же мог подумать, что вот так, за здорово живешь, из-за какой-то Малявки и несуществующей крамолы можно вылететь с работы!

А выговор все равно вкатили.

Но урок конформизма впрок не пошел. Пока.

Я рыдала на Мишином плече, а он запоздало учил меня жить, втолковывая то, чего не удалось усвоить за весь университетский курс истории партийной советской печати:

— Ты же сама выбрала эту профессию и прекрасно знаешь, что газета — это не твой личный дневник, а орган обкома! Вот по его правилам и служи...

Потом утер мне слезы и скаламбурил:

— Ничего, «что пройдет, то будет... мимо»!

Миша ушел в моря, я улетела зализывать раны к родителям на материк, прошло довольно много времени, и когда мы вернулись, а страсти вроде бы улеглись, решили попробовать переломить ситуацию. Кто-то из всесильных знакомых нажал на нужные кнопки, и мне устроили аудиенцию у второго секретаря обкома партии.

Твердо помня инструкцию: вначале покаяться, а уж потом просить работу, открыла тяжелую дверь и оказалась в огромном кабинете. У противоположной стены стоял большой стол, за которым сидел маленький невзрачный человечек.

Преодолев расстояние до стола и не решившись сесть, я пролепетала все, что мне было велено, и услышала:

— Если мы и позволим вам работать в печати, то только в Северо-Курильске.

Я едва не ляпнула, что даже царская каторга не шла дальше Сахалина, но вовремя сообразила, что в царские времена у нас еще не было Курил. И, поблагодарив, ответила, что Северо-Курильск мне не подходит.

И вот когда я целую вечность шла через этот кабинет обратно к дверям, меня вдруг озарило: так они же нас боятся! У них же в глазах до сих пор призрак Пражской весны стоит! И Малявку мою боятся, эту «подрывательницу основ». И расстаться со своими огромными кабинетами боятся... И ничего, кроме боязни за собственные кресла, в их партийной принципиальности и политической бдительности — нет! Я чуть не расхохоталась.

Вот когда меня отпустило.

Но только спустя двадцать с лишним лет, в 1993-м, я прочитаю в рассекреченных и опубликованных документах ЦК КПСС отчет об августовском совещании 68-го года в Москве и окончательно пойму, почему так рьяно набросились тогда на нашу «молодежку». Все очень просто. В глазах делегаций соцстран главная угроза социализму в Чехословакии, а значит, и в любой другой стране соцлагеря, исходила именно от журналистов!

«Правые держат в руках идеологические центры (телевидение, радио и часть печати) и не отдадут их».

«...Меры, которые необходимо предпринять в области пропаганды, например введение цензуры, будут содержаться в решении президиума КПЧ».

«Чехословацкое партийное и государственное руководство примет ряд мер с целью укрепить рабоче-крестьянскую власть, возьмет в свои руки руководство средствами массовой информации и будет управлять ими в интересах социализ-

ма, выступит против антисоветской агитации и пропаганды... <...> ...очистит средства массовой информации от скомпрометировавших себя лиц».

«Будут предприняты шаги для установления порядка в органах пропаганды».

Вот и «очистили», по крайней мере одно из «средств» от одного из «лиц». И установили «порядок в органе».

...Пока происходили все эти события, в кабинете редактора областной партийной газеты «Советский Сахалин» члена пленума обкома КПСС Василия Ильича Парамошкина регулярно и неотвратимо, как рок или судьба, появлялся Женька Бабкин. И убеждал, что меня пора брать. Наверно, он чувствовал ответственность за то, что три года назад сделал мне вызов. В конце-концов у Парамошкина лопнуло терпение, он его выгнал и приказал не заикаться на эту тему как минимум год.

И тогда Женька принялся устраивать меня на работу. Вскоре я стала директором клуба туристов.

Помещение клуба размещалось в просторном подвале типовой пятиэтажки, который регулярно затапливала канализация. Слава богу, решать эту проблему, согласно распределению ролей, сложившемуся задолго до меня, должен был не директор, а завхоз, милейшая женщина. Что входит в обязанности директора, я не имела понятия, и с первой же группой туристов слиняла на Курилы. Поездка оказалась неудачной, я простудилась и домой вернулась с жестокой ангиной.

Прошел почти год. Однажды в моем клубе раздался телефонный звонок:

— Говорят из приемной Парамошкина. Василий Ильич ждет вас... — и мне назвали час избавления от подвала.

Вскоре пригласили на заседание редколлегии «Советского Сахалина», спросили об «ошибках». Довольно благосклонно, как мне показалось, выслушали обтекаемое признание в грехах, дали несколько приличествующих случаю наставлений. Но все это как-то без эмоций, скорее для проформы.

Спустя несколько дней я уже сидела в качестве литсотрудника за письменным столом в кабинете отдела культуры и учебных заведений, которым заведовал один из лучших журналистов областной газеты Евгений Бабкин.

А еще через некоторое время на еженедельной редакционной летучке Василий Ильич Парамошкин положительно отозвался о моем очерке про очередную «малявку». И сказал, что я как журналист «явно выросла». Материал повесили на доску «Лучшее за неделю».

* * *

...По-летнему теплый и солнечный день, воскресенье. Ко мне зашла знакомая. Зазвонил телефон:

— Какие планы?

Звонил редактор «Свободного Сахалина» Петр Лякутин.

— Расслабляться...

— Ничего не выйдет. Ждем через 15 минут. Закрываем обком партии. Репортаж в номер!

Областная газета «Свободный Сахалин» появилась на гребне перестройки. Демократам удалось провести своих людей в областные органы власти, и они учредили новую газету.

Отступников, подавших заявления об увольнении, было четверо: будущий редактор Петр Лякутин, молодые журналисты Олег и Марина Егоровы и я. На собрании по поводу нашего ухода вопросов к ребятам не было.

— ...С ними все ясно. Но ты-то! Ты помнишь, как сюда пришла? — вопрошал патриарх сахалинской журналистики Владимир Александрович Рябчиков. — А ведь добиться этого было не так-то просто...

Еще бы не помнить! Мне ужасно не хотелось их обижать. Я сказала, что они меня спасли, что я им безумно благодарна и всегда буду это помнить, но только новая газета больше отвечает моим взглядам. На душе было тоскливо...

И вот совершенно некстати Петин звонок.

К началу последнего акта трагикомедии я опоздала. Кабинет первого секретаря обкома КПСС уже опечатали. По гулкому и пустому зданию, позвякивая связкой ключей, ходила группа людей, в основном представители демократических организаций, друзья нашей редакции.

Следующим был кабинет второго секретаря. Тот самый. Как и все здание, он был пуст. Призраки и эмоции отсутствовали. Я вспомнила себя в голубом вельветовом платье, схватившуюся за эту ручку как утопающий за соломинку, и мысленно еще раз возблагодарила стариков «Советского Сахалина».

Повернула ключ, кто-то стоящий рядом опечатал кабинет.

Мы были уверены, что это навсегда.

Шел август 1991-го.